

Е.Ю. Куликова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О динамическом лейтмотиве прогулки в лирике акмеистов

Аннотация: Как динамический лейтмотив пространственных перемещений у акмеистов автор выделяет прогулку. Подчеркивается, что в лирике акмеистов тема прогулок достигает сильнейшей детализации, становится необыкновенно декоративной.

The author identifies concept of walk as dynamic leitmotif of spatial displacements in the lyric poet acmeists. It is emphasized that theme of walks reaches the strongest refinement, becomes unusually decorative in the lyrics acmeists.

Ключевые слова: динамика, прогулка, акмеизм, пригородное пространство.

Dynamics, a walk, acmeism, suburban place.

УДК: 821.161.1+82-1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: kulis@mail.ru.

Внутри определенного литературного направления имеется набор излюбленных лейтмотивов и некоторое сходство способов их варьирования. Речь идет здесь не об абсолютных незыблемых правилах, но о некоторых общих тенденциях, особо проявляющихся в творчестве каждого поэта того или иного направления. В лирике акмеистов среди динамических лейтмотивов пространственных перемещений можно особо выделить *прогулку*.

В XVIII в. лейтмотив прогулки был организующим для малого прозаического жанра прогулки, ставшего контррепликой в ответ на объемные дневники путешествий. Прозаические путешествия XVIII в. – это сложный жанровый контаминат, собирающий в себе как эпические, так и лирические черты, последние обеспечены «интимной» формой путешествия, поскольку часто оно пишется как дневник или серия писем, включает в себе не столько рассказ о событиях, сколько описания, сделанные путешественником и его впечатления¹. «Впечатления», описания (к примеру, пейзажные картины) и интимная тональность обеспечивают лирический потенциал путешествию². Прогулка еще в большей мере, чем путешествие, концентрировала в себе лирические смыслы: в отличие от дневников путешествий, прогулка как будто имитировала одну страницу такого дневника,

¹ Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский пишут об уровнях «Писем русского путешественника»: «На самой поверхности текста Карамзин давал перечень европейских достопримечательностей (их исследователи называют «познавательным содержанием книги»), но в более глубоком слое мысли создан был образ «русского путешественника», который сделался реальным фактом русской культуры в ее отношении к Европе» [Лотман, Успенский, 1984, с. 533]. Именно второй, глубинный уровень «Путешествия» Карамзина способен развивать поэтические смыслы, также как и генерировать поэтическую мифологию.

² А. Шенле так характеризует жанр путешествия: «Писатели всех сортов отправляются в путешествие в поисках лучших мест, независимо от того, верят ли они в реальность найденного или же только вызывают идеал в своем воображении... Таким образом, путешествия превращаются в средство развития и поощрения вымысла» [Шенле, 2004, с. 15].

одно конкретное впечатление или размышление, и еще больше выдвигала автора, получающего впечатления и их описывающего. И если для темы путешествия характерна определенная событийность и семантика новизны (открытие новых земель), то для прогулки эта семантика снижена, коннотативна.

В истории русской литературы прогулка – не просто тема, сначала это самостоятельный жанр сентиментальной прозы, он подобен жанру лирическому и посвящен ландшафтным впечатлениям, пейзажу. «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо слабо отзываются в прогулках М.Н. Муравьева («Утренняя прогулка» и «Вечерняя прогулка»), но уже у К.Н. Батюшкова («Прогулка по Москве» и «Прогулка в Академию художеств») жанр прогулки делается городским: времена суток (утро и вечер у Муравьева) сменяются двумя столичными топосами (Москва и Петербург). После «Прогулок» Батюшкова вместе с жанром и мотивами прогулки у акмеистов эволюционирует и достигает своего расцвета тема пригородного пространства, связанная, прежде всего, с пригородами Петербурга.

Раскрываясь в классической поэзии В.А. Жуковского (Павловск), в прозе К.Н. Батюшкова (Замоскворечье в «Прогулке по Москве»), А.С. Пушкина (Царское Село), «пригородная» тема переживает новый всплеск актуальности в эпоху модернизма, и, прежде всего, в мирискусническую эпоху. Если сравнить поэзию пушкинского времени с поэзией XX века, то становится ясно, что тема прогулки перестает быть обобщенной, она детализируется, однако у символистов прогулки не часты, целиком тексты о прогулках найти довольно сложно. У акмеистов, напротив, прогулок довольно много, они становятся вновь в чем-то подобием жанра, как бы возвращаясь тем самым в XVIII в. Правда, речь идет лишь о стилизованном возвращении – многие акмеистические прогулки выглядят как аналоги мирискуснических рисунков с сюжетами элегантных придворных променажей, которые так описывал Вс. Петров: «Подобно иллюстратору или художнику театра, он (А. Бенуа – *Е.К.*) последовательно раскрывал в циклах этюдов и композиций разнообразные аспекты и грани задуманного им образа, создавая ряды как бы сменяющих друг друга архитектурно-пейзажных сцен и... наполняя их стаффажными фигурами, одетыми в старинные костюмы. Существенно подчеркнуть, что фигуры именно стаффажны. Они лишь оживляют пейзаж, не внося в него драматического действия... Крошечные фигурки короля и его свиты, затерявшиеся среди версальских пространств, служат лишь целям воссоздания старины... Настоящими героями картин Бенуа становятся не люди, а произведения искусства, грандиозные статуи и фонтаны версальского парка» [Петров, 1975, с. 22]. В постакмеистическую эпоху тема прогулки воспринимается как уже освоенная.

Прообразы акмеистических прогулок при желании можно обнаружить у И. Анненского («Notturno», «Л.И. Микулич», «Последние сирени»), А.А. Блока («Полный месяц встал над лугом...», «Помнишь ли город тревожный...», «Я вышел. Медленно сходили...», «Нет конца лесным тропинкам...», «Стуцался мрак церковного порога...» и некоторые другие), но по-настоящему детализируется, становится необыкновенно декоративной прогулка только в эпоху акмеизма, который в полной мере воспринимает живописные послы модернизма. Только после того, как образы пригородного пространства перенасыщают изобразительное искусство, определяют сюжеты полотен и стилистику декоративных элементов, используемых мирискусниками при оформлении модернистских изданий, они в столь же эффектно и отточенном виде попадают в словесное искусство. В поэзии акмеистов детали, почерпнутые в имперском пригородном тексте и просто в пригородном тексте, необыкновенно уплотняются: у Ахматовой – в стихотворениях, посвященных Павловску, Царскому Селу, у Мандельштама – Царскому Селу, пригородный топос встречается и в более поздних репликах акмеизма (см., например, петергофский рассказ Георгия Иванова «Кармен»). В постакмеистическую эпоху тема пригорода и прогулки воспринимается уже как тема поэтически освоенная, и поэзия акмеизма стала важнейшим этапом этого освоения.

Меня масштаб, прогулка по сравнению с путешествием дает возможность яснее воспринять отдельные стороны философии путешествия: для прогулки важна не столько изменчивость внешних пространств, сколько быстрая смена воображаемых и эмоциональных картин (не случайно канон русской прогулки задает батюшковская «Прогулка в Академию художеств» – путешествие по галерее и по тем пространствам, которые открываются на художественных полотнах). Отдельные картины, сцены прогулок экфрастически застывают и запечатлеваются в словесном образе, отсюда их «вещественность», «эпиграмматичность», тяготеющие акмеистических прогулок к культуре золотого века, стилизация под «золотой век».

Одной из самых ранних «царскосельских» прогулок акмеистов можно считать стихотворение А. Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям...» (1911), дающее мгновенный образ временного и вечного в традициях эпиграммы пушкинского времени (см.: [Жолковский, 1994, с. 22–25]). В небольшом тексте прихотливый семантический узор вычерчивается в связи с темой времени: настоящим и прошлым, одновременно теряющимся и обретаемым в «шелесте шагов». Мотив шага характерен также и для Мандельштама, любившего этимологию своей фамилии Mandel-stamm – («миндальная палка, посох») и тот же мотив шагов («неравномерной... походкой», «посох мой, моя свобода...»), который у акмеистов очень отличается от мотива шагов, скажем, у Блока.

Мотив шага сопутствует теме прогулки, и один этот мотив способен показать ощутимую разницу в передаче динамики пространства у акмеистов и символистов. Для акмеистов мотив шага характерен в большей мере, чем для символистов, у которых доминирует «эфирная» динамика¹ с полетами, падениями, «струением», и только в очень редких случаях «шагом». Однако, к примеру, для Блока во многих текстах, особенно в «Стихах о Прекрасной Даме», именно через мотив шага передается динамическое напряжение пространства: «Ты здесь пройдешь, / Холодный камень тронешь... / Я жду твоих шагов» [Блок, 1960, с. 156]. А вот другой пример – из «Смуглого отрока...» Ахматовой: «И столетие мы лелеем / Еле слышный шелест шагов» [Ахматова, 1990, с. 26].

В обоих случаях динамическое напряжение пространства обеспечено тем, что речь идет о шагах того (или той – у Блока), кто должен явиться из другого, не земного мира. Однако шаги у Блока – это шаги по холодному, мертвому камню, этим шагам соответствует резкое противопоставление «я» и «Ты» на протяжении всего текста. В результате возникает ощущение неземных шагов, не случайно один из более поздних текстов Блока называется «Шаги Командора»: мир Блока, пространство его стихов застыло в ожидании «шагов Командора», явление которого грозно, торжественно и невероятно.

По сравнению с Блоком, дистанция между «мы» и «ты» у Ахматовой предельно сокращена, что находит свое отражение и в динамике пространства. «Отрок», образ которого скрывает неназванного Пушкина, отодвинут от лирического «мы» на «столетие», более того, тема «мы» и тема «отрока» разведены ритмически (теме «мы» соответствует дольник, а теме «отрока» – анапест). Но мотив шагов на мгновение снимает это противопоставление: «еле слышный шелест шагов» может быть отнесен не только к отроку, но и к героине, к шуршанию ее шагов в листве осеннего парка, этот шелест просто выдает героиню, сразу рисует ее легко представимый образ, хотя вообще-то героини, «я», в стихотворении нет, «я» заменено на «мы», но она появляется в шуршании листвы, и, следовательно, возможным, близким кажется и появление «отрока».

Как видно, динамика пространства, его проводимость оказывается совершенно разной в текстах различных направлений, и по одному из мотивов – моти-

¹ О «эфирной динамике» символизма пишет А. Ханзен-Лёве [Ханзен-Лёве, 2003, с. 414–415].

ву шага, можно многое узнать о пространственной динамике акмеизма: близкое, осязаемое, сверхпроводимое пространство создают акмеистические тексты, и таким свойствам пространства соответствует как нельзя лучше лейтмотив прогулки, который частотен у акмеистов. Тексты с таким мотивом становятся подобием едва ли не самостоятельного жанра – жанра прогулки, который набирает в лирике начала XX в. значительный семантический объем, несмотря на то, что прогулка, в отличие путешествий, не создает образ объемного пространства, зато представляет движение вне географии, чистую идею динамики.

Литература

- Ахматова А.А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., 1960. Т. 1.
Жолковский А.К. *Блуждающие сны* и другие работы. М., 1994.
Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525–606.
Петров Вс. «Мир искусства» / Под общ. ред. Н.И. Соколовой. М., 1975.
Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб., 2003.
Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790 – 1840. СПб., 2004.